

A composite image split diagonally. The top-left portion shows a man in a dark suit and tie standing by a window at night, looking out. The bottom-right portion shows a woman in a brown sweater sitting and reading a book to a golden retriever puppy. The scene is dimly lit with warm, ambient light.

CBET

Dzhamaleil Azhigov

Свет

<https://litres.ru/74078436>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он вырос в темноте, она жила на свету. Их встреча была случайной. Их чувства — неизбежными.

Егор и Ника — две противоположности, которым суждено быть вместе. Но сможет ли он впустить её в своё сердце? И готова ли она принять его тьму, чтобы подарить ему свет?

Содержание

пролог	4
глава 1	8
встреча	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Dzhamaleil Azhigov

Свет

пролог

Он никогда не задумывался о свете.

Свет был просто функцией. Нажал кнопку — стало видно. Нажал ещё раз — стало темно. Он не различал оттенков: тёплый, холодный, жёлтый, белый — какая разница. Главное, чтобы работало. Как всё в его жизни. Работало. Было. И не доставляло хлопот.

Егору было двадцать пять. Он владел тремя компаниями, сотнями сотрудниками, двумя квартирами в центре и одной в Испании, которую видел только на фотографиях агента по недвижимости. У него были счёт в швейцарском банке, подписка на бизнес-журналы, которые он никогда не читал, и персональный водитель, который возил его по маршруту "дом — офис — спортзал — ресторан — дом". Если бы его жизнь изобразили на графике, это была бы прямая линия. Идеально ровная. Бесконечно скучная.

Он не жаловался. Ему казалось, что так и должно быть. Что у взрослых успешных людей нет права на суету, на хаос, на что-то неконтролируемое. Он построил эту жизнь сам.

Кирпич за кирпичом. И в ней было всё, кроме одного — вопроса "зачем?".

Он не задавал этого вопроса. Потому что боялся ответа.

В три года его отец собрал чемодан и вышел за дверь. Егор помнил только звук — тяжёлый хлопок входной двери, который эхом разнёсся по маленькой квартире. Мать тогда лежала на кровати бледная, худая, почти прозрачная. Её глаза уже ничего не видели, хотя она ещё дышала. Через три дня её не стало. Роды, сказали врачи. Организм не выдержал.

Его отдали в детский дом. Там было много детей. Все они говорили, смеялись, дрались, плакали. Егор молчал. Он быстро понял, что если не привлекать внимания, то тебя не тронут. Если не показывать, что тебе больно, то никто не увидит твоей боли. Он стал невидимым. И это спасло его.

В пятнадцать он ушёл из детдома — не сбежал, а ушёл по документам, в техникум. В восемнадцать начал работать. В двадцать два открыл первую компанию. Все удивлялись: откуда у парня без семьи, без связей, без денег такая хватка? Егор не объяснял. Он просто знал одно правило: чтобы выжить, нужно быть сильным. А чтобы быть сильным, нужно не чувствовать.

Он не чувствовал уже много лет.

Его квартира была идеальной. Дизайнерский ремонт, минимализм, светлые тона. Никаких лишних вещей. Никаких фотографий на стенах. Никакой жизни. На кухне стояли идеально чистые белые шкафчики, но в холодильнике была

только вода и просроченный йогурт. Зато в кабинете — три монитора, планшет, принтер, сканер. Всё для работы. Всё для дела.

Иногда ночью он просыпался от тишины. Она была такой плотной, что её можно было резать ножом. Он лежал и слушал своё сердце, которое отбивало ровный, сухой ритм — тук-тук, тук-тук — как метроном. Никаких сбоев. Никаких эмоций. Просто работающий механизм.

Он говорил себе: "Так надо".

И не включал свет. Зачем? Он и так видел каждую вещь в своей комнате наощупь. Он знал, где стоит кровать, где — стул, где — стакан. Ему не нужен был свет, чтобы жить.

Но в ту ночь, когда пошёл дождь со снегом, когда голова раскалывалась от бессонницы, когда он спустился в аптеку на первом этаже своего дома — всё изменилось.

Он просто купил обезболивающее. Это был стандартный ритуал. Войти, сказать "обычное", расплатиться, выйти. Восемь минут — и он снова в своей тёмной квартире. Восемь минут — и тишина вернётся на своё место.

Но на пути стояла Она.

Девушка. Мокрая, бледная, с красными глазами и дрожащими руками. Она держала в руках старый мятый рецепт и умоляла провизора продать лекарство для щенка. Она была полной противоположностью всего, что он знал. Она была хаосом. Она была жизнью.

И она сказала ему то, что никто никогда не говорил.

"У вас не горит свет".

Егор не знал тогда, что эта фраза войдёт в него, как заноза, и останется там надолго. Он не знал, что эта девушка, которую звали Ника, перевернёт всё, что он строил.

Он не знал, что она — свет.

глава 1

встреча

Дождь со снегом бил в стёкла круглосуточной аптеки "Здоровье" так сильно, что казалось — ещё немного, и они треснут. На улице ни души. Только мокрый асфальт, жёлтые пятна фонарей и грязная каша под ногами. В такую погоду нормальные люди сидят дома.

Егор не был нормальным. Он уже две ночи не спал.

Он вошёл внутрь, даже не сложив зонт. Чёрный нейлон был мокрым насквозь, с него стекала вода, оставляя на кафельном полу тёмные разводы. Он машинально отметил, что надо бы вытереть лужу. Потом вспомнил, что ему всё равно. Здесь никто не увидит. Здесь никого нет, кто бы посмотрел на него с укором.

Голова раскалывалась. Знакомая, привычная боль — пульсирующая, тупая, тягучая. Она приходила всегда в одно и то же время: когда он слишком долго смотрел в экраны, забывал поесть и не замечал, как за окном сменяется день. Он знал это чувство. Он привык к нему. Оно стало частью его — как пустой холодильник и вечно молчащий телефон.

Провизор — сухая женщина с бейджиком "Тамара Ми-

хайловна", которая уже запомнила его лицо за четыре года, — кивнула с профессиональной улыбкой:

— Добрый вечер, Егор Сергеевич. Обычное?

— Да, — ответил он, не глядя на неё. Голос прозвучал глухо, будто из другого помещения. — И ещё воду. Большую.

Он полез в карман пальто за картой, но замер.

У прилавка стояла девушка.

Мокрая. Вся. Волосы, выбившиеся из хвоста, прилипли к вискам мокрыми прядями. Куртка — дешёвая, синтетическая — промокла насквозь и потемнела от воды. Под ногами уже образовалась небольшая лужа, но она, казалось, этого не замечала. В руках она сжимала мятый листок — рецепт, который истёрся по сгибам до дыр, почти распался на части.

— Пожалуйста, — сказала она, и голос у неё был не просящим, а срывающимся. На грани. — Вы же видите, это старый рецепт, но щенок умрёт до утра. Мне нужен этот антибиотик. Я принесу новый завтра! Завтра утром! Любым способом!

Тамара Михайловна покачала головой. Её лицо осталось каменным, непроницаемым. За годы работы она видела много таких — отчаявшихся, плачущих, умоляющих. Она привыкла говорить "нет".

— Девушка, без рецепта я не могу. Это сильнодействующее. Меня уволят. Проверка может быть в любой день. Вы же понимаете.

Девушка сжала край прилавка так сильно, что побелели

косяшки пальцев. Её плечи дрожали — то ли от холода, то ли от отчаяния. Егор видел, как она пытается взять себя в руки, как её дыхание становится поверхностным, нервным. Она не врала. Это было написано на её лице. В мокрых ресницах. В дрожащих губах.

Егор смотрел на эту сцену, и внутри него что-то странно ёкнуло. Он не знал, что это было. Может быть, боль в висках. Может быть, свет ламп. Но он вдруг увидел её настоящую. Не ту, которая умоляет провизора. А ту, которая боится. Боится, что кто-то маленький, беспомощный, зависимый от неё, умрёт. И она не может это пережить.

И в этот момент он понял, что если сейчас ничего не сделает, то просто не сможет закрыть глаза сегодня. Головная боль не отступит. Она станет только сильнее. И он снова будет лежать в темноте и смотреть в потолок, прокручивая в голове пустоту.

Он шагнул вперёд. Взял карту из кармана — чёрную, металлическую, ту, которую не дают просто так, — и положил на прилавок.

— Тамара Михайловна, отпустите ей. — Голос был тихий, спокойный, без тени пафоса. — Я оплачу штраф, если он будет. Перепишите на меня, если нужен ответственный. Я живу сверху. Вы знаете.

Провизор подняла на него удивлённые глаза. Она знала, кто он. Весь офисный центр наверху принадлежал ему. Она видела его каждый месяц, когда он заходил за таблетками. И

знала, что он всегда платит без вопросов. Она молча пробила чек. Протянула коробку с лекарством.

Девушка обернулась.

Впервые Егор увидел её лицо. Не силуэт, не мокрые волосы, а лицо. Оно было бледным, осунувшимся, с тёмными кругами под глазами — она явно не спала несколько ночей. Но глаза... глаза были странными. Они смотрели на него с такой пристальной, почти болезненной внимательностью, будто он был не просто незнакомцем, а загадкой, которую она должна разгадать.

Она не сказала "спасибо". Она посмотрела на его лицо, на его глаза, которые покраснели от усталости, на его руки, которые слегка дрожали, и спросила тихо:

— У вас температура. — Это был даже не вопрос. Это был приговор. — Вы бледный, как бумага. И глаза блестят. Зачем вы купили таблетки? Они не помогут. Вам нужно жаропонижающее. И отдых.

Егор открыл рот, чтобы ответить что-то привычное — "всё нормально", "не беспокойтесь", "это не ваше дело", — но слова не сложились. Она смотрела на него снизу вверх, мокрая, бледная, с красными глазами, и в её взгляде не было ни подобострастия, ни благодарности. Только странное, почти материнское внимание. Будто она видела его насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.